

Наш собеседник — народный художник СССР, член-корреспондент Мадридской и Барселонской академий искусств, член президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, директор Государственного музея декоративно-прикладного искусства народов СССР профессор Илья Сергеевич ГЛАЗУНОВ.

Не раз в его доме мы говорили о книгах, которые он читал или иллюстрировал.

блокаду Ленинграда, бомбежки, побывавший в сражавшемся Вьетнаме, Лаосе, все же поехал. Он привез из поездки более шестидесяти работ: портреты, пейзажи, зарисовки. Солдат, пастор, балерина, крестьянин, глава государства — образы, запечатленные карандашом и кистью, олицетворяли сражающийся народ.

И вот вышла эта книга: большой размер, белая плотная бумага, красочные, яркие иллюстрации. Текст, сделанный сопровождавшим художника в поездке по стране корреспондентом АПН М. Велямом на трех языках — русском, английском, испанском. В предисловии к книге приводятся слова председателя Ассоциации работников культуры Никарагуа, известной поэтессы Росарио Мурильо: «Илья Глазунов сумел увидеть, понять и выразить со всей силой своего необыкновенного дарования душу и характер никарагуанского народа. Каждый рисунок, каждый портрет и набросок пронизаны симпатией и любовью к нашей стране, к нашей революции». Весомая оценка творчества художника.

— Илья Сергеевич, хочу спросить вас вот о чем: по какому прин-

ципу вы отбирали образы писателей, деятелей литературы, искусства, составившие монументальное панно «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию»? Оно, как известно, подарено Советским правительством ЮНЕСКО и установлено в штаб-квартире этой международной организации в Париже. Некоторые недоумевали: почему Пушкин на панно не ваш, а Кипренского?

— Нашу страну населяет более ста наций, народов и народностей. Каждая из них — носитель самобытной оригинальной культуры, уходящей корнями в толщу веков. И едва ли не каждая дала миру людей, деяния которых двигали вперед развитие мировой цивилизации. Среди них есть деятели, ставшие символами своего народа. На ком остановить выбор? Сложная стояла задача. Сложность ее состояла еще и в том, что далеко не все наши писатели, те, кого мы любим и ценим, известны на Западе. А моя работа должна была отразить символы — образы таких деятелей культуры, которые, что называется, узнаваемы в лицо, широко известны. Я, например, не поместил в портретную композицию великого русского поэта Лермонтова. Почему? Да потому, что, к сожалению, на Западе имя Лермонтова мало известно. Я мог, конечно, как человек, любящий творчество этого замечательного поэта, нарисовать его, но мне пришлось бы долго объяснять, почему и за что мы любим Лермонтова. А вот Достоевского знают все! Пушкина тоже. Но и здесь не обошлось без вопросов. Поначалу я нарисовал Пушкина таким, каким я его себе представляю, то есть «своего» Пушкина. Но меня спросили: кто это? И тогда я приблизил его к образу, сотворенному Кипренским, то есть уже известному, академическому, канонизированному, если хотите. И тогда его сразу узнали... Кстати, в этой картине есть и

другие общезвестные цитаты: «Тронца» А. Рублева, автопортрет М. Врубеля, иллюстрация И. Тондзе к «Витязю в тигровой шкуре»...

— Илья Сергеевич, когда-то вы написали автобиографическую книгу «Дорога к тебе», напечатанную в журнале «Молодая гвардия». Я помню, что книга эта, точнее — журнальная публикация, имела большой успех. Почему же до сих пор «Дорога к тебе» не вышла отдельной книгой?

— Да, пока нет. Видите ли, какая вещь. Со времени публикации в журнале прошло двадцать лет. Я постоянно думаю об этой книге. Думаю и мечтаю наполнить ее новыми переживаниями, новыми размышлениями о судьбах моей Родины, о судьбах русского искусства, нашей истории. Коплю по капельке материал, собираю его, обобщаю, но довести дело до конца не могу. Времени не хватает. Просто катастрофически не хватает!..

— Что такое в вашем понимании современная книжная графика? Каких художников вы наиболее отличаете в этом виде живописного искусства?

— Я различаю два вида художников: изобразители и оформители. За-

СЛОВО И ОБРАЗ

дача художника, работающего над книгой, найти и дать материальный образ, заключенный в книге. Любимые иллюстраторы: А. Н. Венуа, М. В. Добужинский, И. Я. Билибин. Среди современников выделяю Савву Бродского, Бориса Дехтерева, выставка которого прошла недавно в Академии художеств. Это художник старой русской школы, который любовно относится к образу-замыслу автора.

Беда в том, что у художников-оформителей нередко разные книги похожи одна на другую. Сейчас в моде хлесткость, но в этой «размашистости» не видно собственного лица. Иные идут от стиля Владимира Фаворского, но и здесь не всегда подражателей ждет успех. Я считаю, что каждый художник-иллюстратор должен обрести свой язык, свои образы для передачи внутреннего мира тех героев, жизнь и судьбы которых они воплощают на страницах книги языком графики.

Однажды мне предложили иллюстрировать произведения Бальзака, но я отказался. Почему? Я считаю, что есть художники, которые глубже и полнее понимают творчество этого замечательного писателя. Пусть они и иллюстрируют Бальзака. Я же могу делать только то, что мне близко и дорого. А ближе всего мне русская классическая литература — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Гончаров, Мельников-Печерский, Лесков, Островский, Блок...

— Слышал, что вы задумали иллюстрировать собрание сочинений Льва Толстого. Как движется эта работа?

— Эту работу мне предложил журнал «Огонек», но по разным причинам тема для меня отпала. Видите ли, сравнивать, наверное, трудно, но Достоевский как писатель мне значительно ближе...

— Ну и, конечно же, особняком в вашей творческой работе по воплощению литературных образов стоит Федор Достоевский. Вы иллюстрировали 12-томное собрание его сочинений, вышедшее в приложениях к журналу «Огонек», делали другие работы. А чем сейчас вас волнует Достоевский?

— Продолжаю работать над «Братьями Карамазовыми». Мучительная работа. Изнуряющая, требующая огромного напряжения сил. Так трудно нащупать образ, который отображал бы замысел Федора Михайловича. Чтобы читатель представлял его себе именно таким. Я горжусь, что много

лет посвятил иллюстрированию «Идиота». Многие мои работы находятся ныне в музее Достоевского в Москве, и когда замечательный режиссер Иван Пырьев экранизировал «Идиота», то грим для князя Мышкина брали с моей иллюстрации, с «моего» Мышкина. Это приятно.

Да, трудно сделать так, чтобы зримый образ художника совпал с представлением о нем и писателя, и читателя. Часто бывают расхождения. Редким исключением считаю в этом смысле иллюстрацию Добужинского к «Белым ночам». Считаю эти работы гениальным проникновением во внутренний мир героев Достоевского, его любимого Петербурга.

На вопрос, какая книга в личной библиотеке наиболее дорога художнику, он ответил:

— Я очень дорожу четырьмя томами «Ригведы» — это изданный на английском языке древнейший памятник индийской литературы. Он подарен мне Индирой Ганди. Это было после того, как я завершил работу над ее портретом, который от имени нашего правительства был преподнесен в дар премьер-министру Индии. В беседе я рассказал Индире Ганди о том, как, будучи студентом, в Ленинграде однажды встретил в Эрмитаже, в зале, где выставлены полотна Рембрандта, человека в белой одежде. Это был Джавахарлал Неру. Его книга «Открытие Индии» оставила глубочайший след в моей душе...

— Я заметил, что в вашей библиотеке почти нет книг и монографий, посвященных современному искусству. Ну, например, нет альбомов модного на Западе Сальвадора Дали. Почему?

— Меня мало интересуют современные художники. Тем более такие, как Дали, который однажды заявил публично, что, кроме денег, в искусстве живописи его ничто не волнует. Для меня радость — каждое новое издание альбомов Тициана, Врубеля, Сурикова... Их творения вызывают прилив энергии, желание трудиться.

— Что вы сейчас читаете?

— Перечитываю (а Дюма-сын однажды заметил: произведение, которое читают, имеет настоящее; которое перечитывают — будущее) С. Т. Аксакова, А. С. Хомякова, историка И. Е. Забелина... И конечно, постоянно советуюсь с Федором Михайловичем Достоевским — вечным источником вдохновения для меня. А из современных писателей близким себе ощущаю творчество Владимира Солоухина и Валентина Распутина.

— Пользуются ли вашей библиотекой другие?

— У меня 25 студентов в мастерской портрета, которой я руковожу в Художественном институте имени Сурикова, все они пользуются моими книгами. Приходят ко мне домой, снимают с полок книги, читают, работают. Особенно их привлекают, и это меня радует, монографии по истории композиции таких художников, как Веронезе, Тинторетто, Караваджо, Пуссен... Если вы спросите, разрешаю ли брать с собой мои книги, скажу откровенно: когда-то разрешал, сейчас — нет. К сожалению, многие еще считают пустяком не вернуть книгу, а я считаю, что это нравственный проступок, граничащий с преступлением.

— Ваши дети — сын Ваня и дочь Вера — учащиеся художественной школы. Наверное, им тоже помогает в учебе папина библиотека?

— Конечно, чем-то они пользуются, но у них свои вкусы, пристрастия и уже есть своя небольшая библиотека.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.